

НА ПРИЗЫВЪ СЕРДЦА.

(Быль изъ времянь Японской войны).

Во мѣрѣ того, какъ Татьяна Михайловна приближалась къ Манчжуріи, ею все болѣе и болѣе овладѣвалъ смутный страхъ передъ чѣмъ-то огромнымъ, роковымъ, надвигающимся на нее изъ глубины степей и горъ неизвѣстной ей, но почему-то фантастически-страшной страны. Въ ея воображеніи и китайцы и японцы, особенно послѣдніе, о которыхъ она за послѣднее время такъ много читала, живя у родителей въ Петербургѣ, принимали обликъ какихъ-то таинственныхъ, непохожихъ на обыкновенныхъ людей, существъ... Своя будущая жизнь ей тоже представлялась какимъ-то страннымъ сномъ. Какъ ни напрягала она свою фантазію, она никакъ не могла реально представить себѣ, какъ она доѣдетъ, пріѣдетъ, поступитъ въ госпиталь и что будетъ тамъ дѣлать. Благодаря газетамъ и появившимся уже кое-какимъ брошюркамъ о войнѣ, Татьяна Михайловна успѣла обогатить свой лексиконъ новыми терминами: фанза, гаолянъ, Куроки, Ояма, санитарный транспортъ, Фынхуанчэнь, Инкоу, Хайченъ, летучій госпиталь, пулеметы и т. д., короче, множествомъ словъ, понятіе о которыхъ умъ ея не вполнѣ ясно усваивалъ, отчего ей, при

мысли о предстоящей своей дѣятельности, дѣлалось еще жутче... Она съ жаднымъ любопытствомъ вглядывалась въ окружающую жизнь, стараясь по нѣкоторымъ характернымъ признакамъ угадать будущую свою роль въ огромномъ событіи, такъ неожиданно, и такъ властно вступившемъ на міровую сцену и воплощенномъ въ сакраментальномъ словѣ—«война».

Особенно интересовали Татьяну Михайловну встрѣчавшіеся на пути санитарные поѣзда. Съ пугливымъ любопытствомъ вглядывалась она въ бѣлые высокіе вагоны съ небольшими окнами, кое-гдѣ задѣланными желѣзными рѣшетками, соединенные между собою брезентовыми переходами, въ видѣ гармоникки или огромныхъ мѣховъ, благодаря чему весь поѣздъ, особенно издали, въ движеніи, напоминалъ огромную бѣлую ящерицу, мягко извивающуюся на закругленіяхъ рельсъ. Кромѣ специально санитарныхъ поѣздовъ, встрѣчались приспособленные изъ обыкновенныхъ товарныхъ, такъ называемые «теплушечные». Даже на неопытный взглядъ Татьяны Михайловны они казались крайне неудобными, несуразными, громоздкими... Невольно чувствовалось, что эти поѣзда являются источниками страданій какъ для больныхъ и раненыхъ, такъ и для обслуживавшаго ихъ врачебнаго и санитарнаго персонала. Это сквозило въ измученномъ, раздраженномъ выраженіи лицъ докторовъ, въ блѣдныхъ, озабоченныхъ, осунувшихся лицахъ сестеръ милосердія, суетливо бѣгавшихъ на каждой станціи вокругъ вагоновъ, доступъ въ которые только и былъ возможенъ на остановкахъ. Раза два, когда поѣздъ, въ которомъ ѣхала Татьяна Михайловна, скрещивался на станціи съ санитарными поѣздами, она съ робкимъ любопытствомъ подходила къ вагонамъ, заглядывала внутрь, пугливо отстраняясь, когда мимо нея озабоченной походкой проходилъ врачъ или торопливо пробѣгала «сестра». Ей казалось, что всѣ эти люди такъ поглощены своимъ великимъ дѣломъ, такъ дорога для нихъ и на счету каждая минута, что остановить ихъ, вступить съ ними въ бесѣду, обезпокоить вопросами—было бы съ ея стороны кощунствомъ.

На станціи «Манчжурія» поѣздъ, въ которомъ ѣхала Татьяна Михайловна, былъ переведенъ на запасный путь и расформированъ. Часть вагоновъ для чего-то отправили назадъ въ Читу, часть прицѣпили къ воинскому поѣзду, поспѣшно ушедшему по направленію къ Харбину, а нѣсколько вагоновъ сиротливо осталось на мѣстѣ, въ ожиданіи составленія спеціального поѣзда. Сообразно съ этимъ и населявшіе поѣздъ пассажиры, почти сплошь военные,

врачи, сестры милосердія, сжившіяся за долгіи путь въ одну общую семью, разомъ разбрелись, какъ потревоженные муравьи. Нѣкоторые уѣхали, нѣкоторые остались и разошлись по мѣстечку. Самымъ непріятнымъ было—это общее невѣдѣніе: какой поѣздъ, когда пойдетъ, гдѣ можно провести ночь... никто не зналъ; а тутъ, какъ нарочно, со всѣхъ сторонъ изъ устъ въ уста передаются тревожныя вѣсти. Въ одномъ углу станціи рассказывали, что наканунѣ у самага желѣзно-дорожнаго полотна былъ найденъ трупъ богатаго крестьянина, поставлявшаго на станцію мясо, съ перерѣзаннымъ горломъ и обобраннаго до нитки. Какой-то желѣзнодорожный служащій, съ испуганнымъ выраженіемъ испитого блѣднаго лица, сообщалъ небольшой кучкѣ столпившихся, жадно вслушивавшихся въ его слова, офицеровъ подробности гнуснаго насилия надъ какой-то женщиной, оставшейся ночевать въ вагонѣ. Ее нашли въ купѣ обнаженную, окровавленную и полузадушенную. Несмотря на старанія доктора, она умерла, не приходя въ себя... Самымъ жуткимъ въ этомъ рассказѣ было то обстоятельство, что убійць даже и не искали... Не до того было... и, весьма возможно, что они спокойно расхаживали въ эту минуту въ тѣсной толпѣ пассажировъ.

Всѣ эти рассказы, въ связи съ полной беспомощностью, въ какой она очутилась, одна на платформѣ угрюмой и мрачной станціи, не зная куда преклонить голову, повергли Татьяну Михайловну въ состояніе духа, близкое къ отчаянію. Измученная безцѣльной ходьбой по платформѣ, она, наконецъ, набралась храбрости и, остановивъ мчавшагося мимо нея начальника станціи, робко спросила его—когда можно рассчитывать на отходъ поѣзда? Начальникъ станціи, коренастый, круглолицый человѣкъ, съ длинными рыжеватыми усами и съ лицомъ, на которомъ было ясно написано, что обладатель его давнымъ давно дошелъ до степени полнаго обалдѣнія, когда голова человѣка превращается въ волчокъ, въ которомъ жужжать и кружатся обрывки фразъ, клочки мыслей, недоконченныя распоряженія, недослужанные доклады, словомъ, когда человѣкъ, подавленный непосильной работой, бессонными ночами, непомѣрной усталостью, превращается не то въ христіанскаго мученика, не то въ звѣря, готоваго перекусить горло каждому встрѣчному-поперечному, и попутно съ этимъ проклиная день и часъ своего рожденія.

Выпучивъ глаза на молодую женщину, начальникъ станціи отчаянно завопилъ:

— «Альбо я вѣмъ... тысяча чертей на мою голову, развѣ въ этой дьявольской суматохѣ, кто-нибудь и что-нибудь знаетъ?!.. Вы спрашиваете, когда отправится поѣздъ? Можетъ быть сейчасъ, а можетъ быть завтра [вечеромъ!... Въ перегонѣ отсюда разбился воинскій поѣздъ... дорога загромождена... черти одни знаютъ, когда расчищать путь!...»

И мотнувъ головой, какъ разсерженный быкъ, начальникъ станціи помчался дальше, размахивая руками и выкрикивая кому-то въ пространство какія-то приказанія, перемѣшанныя съ проклятіями.

Татьяна Михайловна отъ огорченія даже руками развела. На глазахъ ея навернулись слезы и она беспомощно оглянулась во-кругъ себя, какъ бы ища помощи и сочувствія.

— Сестрица, вы куда ѣдете? раздался подлѣ нея мягкій, симпатичный голосъ. Она взглянула и увидѣла передъ собою еще не стараго военного врача, худощаваго, черноволосаго съ легкой сѣдиной, въ бородѣ клинушкомъ и въ темныхъ очкахъ.

— Да я хорошенько и сама не знаю, искренно вырвалось у Татьяны Михайловны.— Ъхала то я въ Ляоянъ въ Невскую общину ¹⁾, но теперь, судя по телеграммамъ, Ляоянъ уже взять и наши отступаютъ... я даже не могу себѣ представить, гдѣ можетъ быть теперь эта община... Не знаете ли вы?

— Понятія не имѣю. Впрочемъ, объ этомъ вамъ нечего заботиться... Куда бы армія не отступила, дальше Мукдена она не пойдетъ; такъ или иначе, но вамъ придется явиться въ главную квартиру, тамъ все и узнаете... но это все въ будущемъ... въ настоящемъ теперь у насъ съ вами главная задача— выбраться поскорѣе съ этой проклятой станціи, гдѣ можно умереть съ голоду; весь буфетъ давнымъ давно съѣденъ и даже прилечь негдѣ.

— А вы тоже ѣдете дальше? обрадовалась Татьяна Михайловна.

— Пока, къ сожалѣнію, не ѣду, а сижу въ этомъ чортовомъ клоповникѣ, но долженъ ѣхать... Я тоже направлялся въ Ляоянъ, въ полевой госпиталь, но изъ за отступленія нашей арміи, такъ же какъ и вы, не знаю ни того, гдѣ мой госпиталь, ни того, когда я въ него попаду... Впрочемъ, повторяю, пока все это неважно; важно выбраться отсюда, по возможности сегодня... Вотъ что, заключимте-ка съ вами оборонительно-наступательный союзъ и бу-

¹⁾ Название вымышленное.

демь дѣйствовать... Для начала, прошу васъ, посидите около моихъ вещей, покараульте ихъ, а я тѣмъ временемъ произведу небольшую развѣдку... Я, видите, только что случайно узналъ, будто-бы черезъ часъ, много два, идетъ воинскій поѣздъ съ артилеріей и обозомъ; попытаюсь настоять, чтобы къ нему прицѣпили хотя бы одинъ классный вагонъ... Здѣшній комендантъ станціи тоже случайно оказывается моимъ стариннымъ пріятелемъ; можетъ быть и устроить.

Докторъ ушелъ, а Татьяна Михайловна, усталая, измученная, усѣлась на скамейкѣ подлѣ довольно объемистаго, чернаго кожанаго чемодана солидной англійской работы, принадлежавшаго доктору. О своихъ вещахъ Татьяна Михайловна не думала; два ея чемодана и ручной портпледъ лежали гдѣ то тамъ, въ багажномъ отдѣленіи, подъ охраной носильщика, номеръ котораго она, по обыкновенію, забыла въ ту же самую минуту, какъ услышала.

— Ну, сестрица, все устроилось... вагонъ есть и даже уже прицѣпленъ, только требуется осторожность: не возбуждать излишняго любопытства, а то, какъ пронюхаютъ о его существованіи, всѣ туда хлынутъ, а тамъ и безъ того почти всѣ мѣста заняты... Идемте скорѣе... Комендантъ нарочно поставилъ его за станціей, около мастерскихъ, отъ любопытныхъ взглядовъ подальше...

Часъ спустя безконечно длинный воинскій поѣздъ, въ хвостѣ котораго былъ прицѣпленъ старый, дребезжащій, какъ ветхая извоищья пролетка, вагонъ 2-го класса, медленно отходилъ отъ станціи «Манчжурія»...

Наступилъ вечеръ. Скупо освѣщаемый огаркомъ заплывшей свѣчи, въ давно непротертомъ фонарѣ, вагонъ былъ погруженъ въ полумракъ, въ которомъ копошились люди, устраиваясь на ночлегъ.

— А вы что-жь, сестрица, не ложитесь? спросилъ докторъ. Ложитесь здѣсь, внизу, а я лягу наверхъ, надъ вами... Вы, я думаю, за день-то, скитаясь по станціи, здорово умаялись? Въ дорогѣ самое лучшее сонъ, по крайней мѣрѣ время идетъ незамѣтно.

Раскаленное солнце, вынырнувъ изъ за края безбрежной, гладкой и ровной, какъ столъ, выжженной Манчжурской степи, жадно заглянуло яркими, горячими лучами въ открытое окно вагона и озарило нахмуренныя, спящія лица пассажировъ... Кое-кто проснулся... Началась обычная утренняя вагонная сутолока... Заспан-

ные, взъерошенные, хмурые, съ полотенцами на илечахъ и туалетными принадлежностями въ рукѣ, люди сновали взадъ и впередъ, изъ уборной въ уборную, сталкивались въ дверяхъ, наступали другъ другу на ноги, ворчали на желѣзнодорожные порядки и хоромъ проклинали убійственную медленность, съ которой двигался поѣздъ.

— А мы, сестрица, добродушно усмѣхаясь, сказалъ докторъ, усаживаясь противъ Татьяны Михайловны, вчера не успѣли второпяхъ какъ слѣдуетъ познакомиться... Позвольте представиться: старшій ординаторъ N полевого госпиталя Сонцевъ, Петръ Петровичъ.

— Татьяна Михайловна Измайская, волонтерка Невской общины.

— Вы, конечно, дѣвица, барышня, продолжалъ докторъ; и какъ васъ такую молодую пустили?

— Я замужемъ. Мой мужъ поручикъ N Сибирскаго стрѣлковаго полка... Онъ тоже пошелъ добровольцемъ, еще въ самомъ началѣ войны, а я пока поступила на курсы, теперь выдержала экзамень и ѣду, чтобы быть поближе къ нему.

Докторъ пристально взглянулъ ей въ лицо и не то печально, не то загадочно, усмѣхнулся.

— Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость, какъ бы про себя произнесъ онъ и продолжалъ.— Но, ради Бога, сколько же вамъ лѣтъ? Вы вѣдь совсѣмъ еще дитя.

— Не такъ ужъ мало, какъ вы думаете; въ этомъ году исполнилось двадцать.

— Что и говорить, возрастъ почтенный! усмѣхнулся докторъ. Но скажите, пожалуйста, какъ вамъ пришла въ голову несчастная мысль, при вашей молодости, вашей, простите за откровенность, очаровательной наружности, дѣтской комплекціи, идти въ сестры милосердія?.. Что вы будете тамъ дѣлать среди всего этого ужаса, грязи, страданій, опасностей и отъ своихъ и отъ чужихъ?.. Признаюсь, удивляюсь вашему мужу, какъ онъ могъ вамъ позволить ѣхать въ этотъ адъ.

— Онъ и не знаетъ, что я ѣду. Это я потихоньку отъ него.

— Сюрпризомъ!.. Понимаю. А понимаете ли вы, что этотъ сюрпризъ такимъ сюрпризомъ можетъ обернуться и для васъ и для него, что вы жизни не рады будете? Вы, очевидно, представленія не имѣете, какая жизнь васъ ожидаетъ, какія лишенія, опасности

и искушенія... Если бы я имѣлъ надъ вами власть, я бы васъ съ первой же станціи,] на первомъ же поѣздѣ отправилъ обратно... У васъ, очевидно, нѣтъ ни отца, ни матери?

— Ошибаетесь, засмѣялась Татьяна Михайловна, есть и отецъ и мать... Я даже жила у нихъ послѣднее время... Какъ Ника уѣхалъ на войну, такъ я переѣхала къ нимъ въ Петербургъ, отъ нихъ ходила на курсы сестеръ милосердія и отъ нихъ же уѣхала...

— И они васъ отпустили?

— Какъ видите.

Докторъ пожалъ плечами.

— Удивляюсь.

— Но позвольте, почему? Развѣ мало пошло «сестеръ» на войну... тысячи... почему же всѣмъ можно, а мнѣ нельзя?

— Кто вамъ сказалъ, что «встѣмъ» можно. Большую половину изъ тѣхъ, что пошли, я бы не пустилъ: однѣхъ потому, что онѣ недостойны быть «сестрами» и только унижаютъ это святое имя своимъ «поведеньцемъ»; другихъ, вотъ такихъ, какъ вы, напри- мѣръ, потому, что онѣ, будучи еще слишкомъ юны и слабы физически, совершаютъ, въ сущности говоря, медленное самоубійство, не принося особой пользы дѣлу, губятъ свое здоровье, расшатываютъ нервы, во множествѣ заболѣваютъ, чахнутъ и умираютъ, какъ тепличныя растенія, вынесенныя на морозъ...

— Докторъ, но неужели вамъ не случалось видѣть, какъ люди слабые переносили и выдерживали больше самыхъ сильныхъ, побѣждали всякія трудности и болѣзни?

— Словомъ, выходили побѣдителями, усмѣхнулся докторъ.

— Ну да, побѣдителями... развѣ этого не бываетъ?..

— Бываетъ... я даже читалъ объ этомъ, въ дѣтствѣ, въ басняхъ Крылова про комара, побѣждающаго льва...

— Вы все смѣтаетесь, досадливо нахмурилась Татьяна Михайловна.

— Не смѣюсь, а готовъ плакать...

Докторъ сдѣлалъ трагическое выраженіе лица.

Татьяна Михайловна невольно усмѣхнулась и эта усмѣшка, при досадливо сдвинутыхъ бровяхъ, была очаровательна. Докторъ, по натурѣ своей довольно равнодушный къ женской красотѣ, невольно залюбовался ею.

Средняго роста, немного худощавая, но стройная и гибкая, какъ молодая березка, Татьяна Михайловна походила больше на

молодую дѣвушку, чѣмъ на женщину. Лицо у нея было слегка продолговатое, не русское, съ прямымъ носомъ, красивыми губами и большими миндалевидными глазами, надъ которыми красиво изгибались тонко очерченныя темныя брови; золотисто-бѣлокурые волосы природными локонами обрамляли высокій лобъ. Когда она сидѣла задумавшись, лицо ея казалось немного суровымъ, но стоило ей улыбнуться, словно какіе то внутренніе лучи озаряли его, загорались въ глубинѣ глазъ, играли на углахъ губъ и придавали всему лицу неизъяснимую прелесть, выраженіе чего то дѣтскаго, задушевнаго... Всякій, при взглядѣ на нее, могъ безъ труда угадать въ ней прекрасную душу и доброе, простое, честное сердце. Она не была кокеткой, но всякое ея малѣйшее движеніе было полно женственности и граціи.

— Вѣдь она положительно красавица, думалъ Сонцевъ, изъ подъ темныхъ очковъ украдкой разглядывая ея лицо; и такая молодая, такая, очевидно, совсѣмъ, совсѣмъ, еще неопытная... Жутко подумать на что обрекаетъ она себя, окунувшись въ этотъ омутъ. Сколько сплетенъ, интригъ, затаенной зависти, пошлыхъ ухаживаній, наглыхъ, грубыхъ приставаній, а за отпоръ—злбной мести, ожидаютъ ее... Какъ-то она все это вынесетъ и переживетъ? Все спасеніе ея, если только она сумѣетъ быть крайне недовѣрчивой, не поддаваться ничьему обаянію, не вѣрять никакимъ «хорошимъ» словамъ; но какъ избѣжать ей всего этого, когда въ ея годы довѣрчивость—врожденное чувство?!

Не доѣзжая версть двухъ до станціи Бухэду, поѣздъ, въ которомъ ѣхала Татьяна Михайловна, чуть было не потерпѣлъ крушенія: подъ одной изъ платформъ, съ погруженной на нее артилеріей, загорѣлись буксы. Къ счастью, вопреки общей безпечности, какъ-то случайно кто-то замѣтилъ. Поѣздъ остановили, залили буксы водою, и медленно, черепашинымъ шагомъ, доползли до станціи. Надо было вновь пересоставлять поѣздъ; предстояла задержка на нѣсколько часовъ.

Утомленная до одури сидѣньемъ въ тѣсномъ вагонѣ Татьяна Михайловна пошла прогуляться.

Станція Бухэду, какъ и всѣ станціи Манчжурской дороги, представляя изъ себя небольшое кирпичное зданіе съ черепичной кры-

шей китайскаго фасона, была тѣсна, грязна и загажена до послѣдней степени. Мириады мухъ черной тучей носились въ воздухѣ, сплошнымъ ковромъ покрывали стѣны и потолокъ буфетной комнаты, гдѣ въ клубахъ табачнаго дыма тѣснилось за общимъ большимъ столомъ и за нѣсколькими отдѣльными маленькими столиками множество народу. Передъ станціей стояло два воинскихъ поѣзда, одинъ изъ Россіи, другой въ Россію, и такъ какъ по всему было замѣтно, что и тому и другому суждено простоять на станціи Бухэду неопредѣленное количество времени, то офицерство обоихъ поѣздовъ сочло за лучшее перекочевать въ станціонный залъ и за рюмкой водки, стаканомъ вина или пива, сократить распостылое время. Отъ десятковъ голосовъ, кричавшихъ одновременно, отъ громкаго, раскатистаго смѣха, несшагося со всѣхъ сторонъ, отъ зычныхъ выкриковъ—шумъ и гамъ стояли невообразимые. Два молодыхъ китайца, «бойки», съ длинными, лоснящимися, черными косами, въ невѣроятно засаленныхъ, бѣлыхъ полотняныхъ курткахъ, съ проворствомъ обезьянъ сновали между сплошной массой человѣческихъ тѣлъ, быстро разсовывая по столамъ тарелки съ разнымъ дымящимся варевомъ; разставляли бутылки, получали деньги, сдавали сдачу; все это съ изумительною ловкостью, которой позавидовалъ бы лучшій цирковый жонглеръ. Но, несмотря на всю ихъ изумительную быстроту, брань и крики сыпались на ихъ головы со всѣхъ концовъ.

— Эй, «ходя», дьяволь тебя задави, скоро-ли борщъ, я уже часть жду?

— «Бутунда» ²⁾ проклятая, давай скорѣе жаркое, а то я тебя графиномъ по лбу!

— Хвостатый дьяволь, если ты мнѣ сію минуту не принесешь пива, я тебя на твоемъ же хвостѣ удавлю!

— Чичась, чичась, капитана, чичась, стрекотали китайцы, кивая головами, подобострастно улыбаясь на всѣ стороны и въ то же время ловко увертываясь отъ какого-нибудь слишкомъ нетерпѣливаго подзатыльника.

Среди офицеровъ было уже достаточное количество охмѣлѣвшихъ. Они кричали, не слушая другъ друга, кто-то, кому-то, что-то доказывалъ, въ чемъ-то кого-то убѣждалъ, причемъ всѣ такъ энергично жестикулировали и размахивали руками, что такъ и казалось, вотъ вотъ кому-нибудь, по нечаянности, влѣпятъ въ заты-

²⁾ По китайски: «ходя»—братецъ; «бутунда» не понимаю.

локъ.... Въ одномъ углу трое хриплыхъ басовъ гремѣли: «Ой легка, легка коробушка», въ другомъ разгоралась ссора...

Когда пьянаго, пошатывающагося капитана, съ растегнутымъ воротомъ рубахи, изъ подъ котораго краснѣла его могучая, заросшая волосами грудь, проводили мимо прогуливавшейся по платформѣ Татьяны Михайловны, она съ искреннимъ, невольнымъ испугомъ, совсѣмъ по-дѣтски же, уставилась въ его широкое, пьяное лицо, недоумѣвающимъ испуганнымъ взглядомъ.

Это невольное движеніе испуга оскорбило капитана. Онъ вдругъ остановился, сдвинулъ свои и безъ того насуспенныя брови, съ ненавистью взглянулъ прямо въ лицо молодой женщинѣ и вдругъ словно выплюнулъ грязную, циничную фразу.

Татьяна Михайловна вскрикнула, зажала руками уши и опротясь побѣжала въ свой вагонъ.

Среди офицеровъ, свидѣтелей этой безобразной сцены, поднялся ропотъ. Какой-то молодой поручикъ стремительно подбѣжалъ къ капитану и голосомъ, въ которомъ кипѣли слезы негодованія, крикнулъ ему прямо въ лицо:

— Ну, это уже подлость! Оскорблять беззащитную женщину, за это и по фізіономіи бьютъ!

— Отцѣпись молокососъ, я ей ничего дурного не сказалъ, окончательно хмѣлѣя, пробурчалъ капитанъ. Я самъ женщину уважаю, я за женщину, какъ рыцарь, готовъ въ огонь и въ воду..... женщина это божество, а мы свиньи....

Капитана съ трудомъ впихнули въ узкія для его комплекціи двери вагона.

Очутившись у себя въ вагонѣ, Татьяна Михайловна забилась въ уголокъ дивана и вся замерла, дрожа мелкой дрожью. Въ эту минуту она походила на горленку, случайно спасшуюся отъ налетѣвшаго было на нее коршуна.

— Что съ вами? тревожно спросилъ ее Сонцевъ; на васъ лица нѣтъ. Чего вы такъ испугались?

— Тамъ одинъ капитанъ.... пьяный.... его вели.... я испугалась, онъ разсердился и сказалъ мнѣ.... страшную вещь.... очень страшную....

— Да что именно? Пошлость какую-нибудь?... Такъ вамъ, матушка, къ этому привыкать надо.... впереди еще много комплиментовъ наслушаетесь всякихъ.

— Какой тамъ комплиментъ, неожиданно для самой себя разсмѣялась Татьяна Михайловна, просто изругалъ, какъ самый по-

слѣдній извозчикъ.... Нѣтъ, это ужасно, ужасно, я даже въ мысляхъ повторить не могу того, что онъ сказалъ.

— Ужасно! Эхъ, Татьяна Михайловна, не то ужасно, что какой-нибудь пьяный, потерявшій способность владѣть своими надорванными нервами, озлобленный пережитыми ужасами и страданьями, ругается, какъ извозчикъ; ужасно, что вы, такая юная, такая наивная, такой еще ребенокъ, очертя голову, лѣзете навстрѣчу всему этому аду....

— Что же мнѣ дѣлать?

— Вернуться домой.

— Не могу.

— Почему?

— Долго объяснять. Не могу, да и только.... Видите, докторъ, вы этого, пожалуй, не поймете: не могу я жить въ Петербургѣ, когда Ника на войнѣ, ютится гдѣ нибудь въ землянкѣ, голодаетъ, терпитъ во всеи нужду, каждую минуту рискуетъ быть убитымъ... Когда я думала, живя въ Петербургѣ, что насъ раздѣляютъ десятки тысячъ верстъ, что письмо идетъ мѣсяць—я холодела отъ ужаса и рвалась сюда....

— Какой смыслъ? Что-жъ вы, пріѣхавъ сюда, накормите вашего Нику, устройте ему [комфортабельное помѣщеніе, защитите отъ пуль?

— Ахъ, докторъ, вы все свое.... Я отлично понимаю резонность вашихъ словъ, но ваши слова отъ разума, а я дѣйствую такъ, какъ того требуетъ отъ меня сердце.... Вы думаете, новость мнѣ сказали? Все, что вы мнѣ говорите, я уже безчисленное множество разъ слышала и отъ отца, и отъ матери, и отъ брата-студента, если хотите, даже въ болѣе краснорѣчивомъ изложеніи; и разумомъ я съ ними со всѣми [вполнѣ соглашаюсь и за всѣмъ тѣмъ, я все-таки здѣсь, а не на Моховой.

Сонцевъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

Въ эту минуту въ вагонъ вошелъ тотъ самый поручикъ, который такъ яростно заступился за Татьяну Михайловну. Лицо его еще хранило слѣды только что пережитаго волненія, брови хмурились и въ глазахъ поблескивали огоньки.

— Это чортъ знаетъ что, такое, произнесъ онъ въ полголоса, опускаясь на диванъ рядомъ съ докторомъ. Напиваются какъ скоты, до потери сознанія, а потомъ чортъ знаетъ что выкидываютъ.

— А что именно? полюбопытствовалъ докторъ.

— А тутъ, въ буфетѣ, на станціи съ нашей сестрицей вышелъ пренепріятный казусъ.... капитанъ одинъ.... сибирскій.... обругалъ, возмутительно обругалъ. Не будь теперь война, да не будь онъ такъ скотски пьянъ, я бы его на дуэль вызвалъ.... Впрочемъ, «сестрица», обратился онъ къ Татьянѣ Михайловнѣ, не безпокойтесь; мы рѣшили, когда онъ проспится, заставить его просить у васъ прощенья.

-- Ахъ, нѣтъ, Богъ съ вами, всполохнулась Татьяна Михайловна, не надо мнѣ этого; пожалуйте и не водите его сюда, я когда его увижу со страха въ окно выпрыгну.

Докторъ и поручикъ весело разсмѣялись.

— Ну, не ребенокъ вы? спросилъ Сонцевъ.

— И пускай ребенокъ, а вы старый дѣдушка—ворчунъ. Вотъ кто вы.

Поручикъ, съ меланхолическимъ видомъ, искоса поглядывалъ на Измайскую. Она ему «безумно» нравилась. Въ своемъ скромномъ темнокоричневомъ костюмѣ сестры, съ бѣлой косынкой на головѣ, изъ подъ которой упрямо и кокетливо выбивались завитки золотистыхъ волосъ, она ему казалась олицетвореніемъ поэтической неопредѣленной мечты, охватившей его съ самой минуты, когда онъ сѣлъ въ поѣздъ въ Москвѣ, чтобы ѣхать на войну. Онъ зналъ, что она замужемъ, и «адски», какъ любилъ выражаться про себя, завидовалъ ея мужу.

Онъ сидѣлъ и мечталъ, подъ стукъ колесъ двинувшагося, наконецъ, поѣзда: какъ было бы хорошо, если бы его раненаго принесли въ тотъ госпиталь, гдѣ она будетъ «сестрою»! Она будетъ ухаживать за нимъ, сидѣть подлѣ его постели, онъ уловитъ въ ея лицѣ печаль и состраданіе къ нему.... Онъ невольно займетъ ея вниманіе, не то, что теперь, когда она даже и не замѣчаетъ его, все равно, какъ если бы онъ былъ чемоданомъ или чьей-нибудь дорожной корзиной...

Поручикъ былъ еще очень молодъ и жизнь казалась ему повѣстью.

Кончается вторая недѣля, какъ Татьяна Михайловна работаетъ въ подвижномъ лазаретѣ Невской общины. Только очутившись въ сутолокѣ главной квартиры, послѣ отступленія отъ Ляояна переселившейся въ Мукденъ, причемъ большинство штабныхъ учре-

жденій было отправлено далѣе въ Телинъ, Татьяна Михайловна по-няла какимъ для нея счастьемъ было знакомство съ Сонцевымъ. Только благодаря его энергiи, знакомствѣмъ, а больше всего настойчивости, имъ удалось, наконецъ, разыскать тотъ лазаретъ, куда Татьяна Михайловна была назначена еще распоряженіемъ изъ Петербурга. Сонцевъ же и доставилъ ее до самаго мѣста, сдалъ съ рукъ на руки старшему врачу и уѣхалъ, обѣщая время отъ времени давать о себѣ знать, на случай, если бы онъ ей для чего нибудь сталъ нуженъ.

Деревушка, въ которой расположенъ былъ подвижной лазаретъ Невской общины, состояла изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ фанзъ; остальные были разрушены и стояли безъ оконъ, крышъ и дверей. Жители давно уже ушли невѣдомо куда, даже собаки разбѣжались и только нѣсколько чудовищно-огромныхъ идоловъ угрюмо глядѣли изъ полу-разрушенной кумирни, на краю селенія, точно подсматривая оттуда, какъ хозяйничаютъ «сѣверные варвары» на оставленныхъ пепелищахъ «сыновъ Небесной имперіи».

А «сѣверные варвары» хозяйничали по-своему, обращая неудобно-обитаемыя китайскія фанзы въ уютные домики, гдѣ не страшно было бы встрѣтить наступающіе холода. вмѣсто проволоченныхъ бумажекъ, въ оконныхъ рамахъ появились стекла; неуклюжіе, наполняшіе все свободное пространство фанзы каны сломаны и замѣнены настоящими печами; стѣны, полъ и потолки обшиты китайскими циновками, двери пригнаны и плотно запираются; у выходныхъ дверей изъ стеблей гигантскаго гаоляна—устроены тамбуры, защищающіе отъ пронзительныхъ манчжурскихъ вѣтровъ. Вѣсковая паутина и соръ выметены, зловонныя ямы для накапливанія навоза вычищены, залиты известью и засыпаны; всюду чистота и порядокъ вполне благоустроеннаго лечебнаго заведенія.

Какъ только Татьяна Михайловна устроилась на новомъ мѣстѣ, она тотчасъ же написала своему Никѣ, увѣдомляя о своемъ пріѣздѣ, и теперь съ минуты на минуту ждала его, трепещущая и замирающая при всякомъ шорохѣ на крыльцѣ, при каждомъ стукѣ отворяемыхъ дверей.

Больныхъ въ лазаретѣ было немного. Ко времени прибытія Татьяны Михайловны большинство тяжело раненыхъ во время Ляоянскихъ боевъ было эвакуировано въ постоянные госпитали въ Читу, Иркутскъ и далѣе внутрь Россіи; осталось нѣсколько чело-вѣкъ выздоравливающихъ, ожидающихъ скорой «выписки», и два-

три безнадежно больныхъ, смерть которыхъ ожидалась съ минуты на минуту. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ ожиданіе Татьяны Михайловны становилось мучительно-нетерпѣливѣе. Всякій разъ, когда на дворѣ фанзы, гдѣ была устроена палата, порученная попеченіямъ Татьяны Михайловны, появлялась чья-нибудь фигура, раздавались шаги и голоса, Измайская, если не была занята около больного, бросалась къ дверямъ и замирала въ трепетномъ ожиданіи; но всякій разъ ее ожидало грустное разочарованіе... Ника не ѣхалъ и не давалъ о себѣ никакого извѣстія.

Въ минуты особо острой тоски Татьяна Михайловна принималась мысленно молиться, но тутъ же и замолкала, подавленная тяжелой мыслью, только недавно пришедшей ей въ голову и парализовавшей ея молитвенный экстазъ. — Теперь вѣдь всѣ молятся, думала она, и молятся объ одномъ и томъ же, о сохраненіи жизни... И каждый хочетъ, чтобы его молитва дошла до Бога; но тогда не было бы ни убитыхъ, ни раненыхъ, не было бы войны... Права ли я, молясь за мужа? Не значить ли, что, прося сохранить его жизнь, я говорю Богу: пусть убиваютъ другого, а не Нику... Не кощунственна ли подобная молитва? Татьяна Михайлова задумывалась и ей казалось, что она слышитъ эти волны моленій, какъ волны прибоя, бьющіяся о берега невѣдомаго міра, олицетворяемаго «небесами». Плыли онѣ въ стройномъ пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ величественныхъ городскихъ соборовъ, бились въ низкіе купола ветхихъ сельскихъ церквей изъ усть, слившихся съ народомъ въ его нищету и горести деревенскихъ священниковъ, уныло ползли вмѣстѣ съ тяжелыми затаенными вздохами по прокопченнымъ холоднымъ стѣнамъ деревенскихъ избъ, страстно трепетали на устахъ покинутыхъ молодыхъ женъ, какъ окровавленные запекались на губахъ безумно тоскующихъ матерей, послѣднимъ болѣзненнымъ воплемъ срывались съ поблѣвшихъ губъ страдальцевъ, забытыхъ въ кустахъ и оврагахъ проклятой Манчжуріи въ добычу воронамъ и одичавшимъ собакамъ, замирали въ горлѣ умирающихъ подъ низкими потолками госпиталей... И, мысленно прислушиваясь къ этому невидимому хору, звучащему въ ея душѣ, Татьяна Михайловна замирала отъ ужаса и отчаянія.

День клонился къ вечеру. Изъ четырехъ больныхъ, трое дремали на койкахъ, высыпая послѣ долгихъ бессонныхъ ночей, полныхъ страданій отъ зудящихъ и ноющихъ ранъ; четвертый — старикъ изъ запасныхъ, или, какъ ихъ въ шутку называли, «дядей», ле-

жалъ молча и неподвижно, не спуская широко открытаго, немигающаго взгляда съ горящей на небольшомъ столикѣ лампы, подъ жестянымъ зеленымъ колпакомъ; онъ умиралъ и самъ не понималъ отъ какой болѣзни. Да врядъ ли понимали и доктора. У него ничего не болѣло и въ то же время силы и жизнь бѣжали отъ него. Онъ съ каждымъ днемъ слабѣлъ, истощался; тѣло его превратилось въ скелеть, обтянутый сухой желтой кожей; онъ почти ничего не ѣлъ и только съ жадностью по нѣскольку разъ въ день пилъ тепловатый жидкій чай съ небольшимъ кусочкомъ сахара, который онъ медленно обсасывалъ, держа въ страшныхъ синихъ пальцахъ. Притоптавшаяся за цѣлый день Татьяна Михайловна полулежала въ широкомъ неуклюжемъ китайскомъ креслѣ, оставленномъ хозяиномъ фанзы въ числѣ прочихъ громоздкихъ вещей. Свѣтъ лампы мягко падалъ на ея осунувшееся поблѣднѣвшее лицо, отражаясь въ задумчивыхъ глазахъ, казавшихся теперь отъ худобы лица и полумрака комнаты огромными. Изъ всѣхъ угловъ тянулась мгла. На дворѣ уныло и пронзительно завывалъ вѣтеръ, время отъ времени потрясая широкія вычурныя рамы, отчего маленькія стекла частыхъ переплетовъ чуть слышно жалобно позвякивали. Измученная тревогой и тоской, убаюканная печальными руладами вѣтра, Татьяна Михайловна задремала въ своемъ креслѣ. Сквозь дремоту почудилось ей, какъ дверь слегка скрипнула и мягко подалась на хорошо смазанныхъ петляхъ, чьи-то осторожные шаги нарушили тишину комнаты.

— Должно быть докторъ, сквозь сонъ думаетъ Татьяна Михайловна и съ усиліемъ разжимаетъ скованныя дремотой вѣки... Къ самому ея лицу, близко, близко, наклонилось чье-то, какъ будто хорошо знакомое, блѣдное, исхудавшее лицо, обросшее густой, курчавой бородкой. Черные блестящіе глаза съ любовью и глубокой жалостью заглянули ей въ душу, блескомъ своимъ, какъ молніей, озаривъ сознание.

— Ника! вскрикнула Измайская и, почти теряя сознание, повисла на шеѣ мужа.

— Таня, голубчикъ, тебя ли я вижу?!.. Но зачѣмъ, зачѣмъ ты пріѣхала!

— А развѣ ты не доволенъ? Не радъ меня видѣть?

— Сказать по совѣсти и самъ не знаю... Ъхалъ сюда, сердце прыгало отъ радости при мысли встрѣтиться съ тобою, а вошелъ, увидѣлъ тебя въ этой обстановкѣ, такой усталой, блѣдной и мнѣ

стало страшно... А что еще ожидаетъ тебя впереди! Зачѣмъ только папа и мама отпустили тебя? Приѣхать сюда было легко, а какъ ты уѣдешь отсюда?

— Съ чего ты взялъ, я и не собираюсь уѣзжать, по крайней мѣрѣ одна; когда кончится война мы уѣдемъ вмѣстѣ, а до тѣхъ поръ я буду ухаживать за ранеными, а ты время отъ времени будешь приѣзжать ко мнѣ: развѣ это не хорошо?.. Подумай, если бы я осталась въ Петербургѣ, мы бы всю войну были въ разлукѣ... Можетъ быть годъ, можетъ быть два... Ужасно подумать... Мнѣ и эти-то полгода, что мы не видѣлись, показались вѣчностью; мнѣ кажется, я состарилась на десятки лѣтъ... Скажи, я не выгляжу старухой?

— Дитя ты, глупый ребенокъ. Развѣ тебѣ мѣсто здѣсь?

— Ну это меня начинаетъ злить! Ты, Ника, точно сговорился съ Сонцевымъ... Кстати ты не знаешь Сонцева? Докторъ, прекрасный человекъ, я ему многимъ обязана. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Ну, такъ вотъ, этотъ самый Сонцевъ тоже надо мною стонетъ и журитъ за то, что я приѣхала; а точно я одна такая: тысяча сестеръ, почему же всѣмъ можно, а мнѣ нельзя?

— Долго тебѣ объяснять, разъ ты не понимаешь сама или не хочешь понять; да и сестры разныя бываютъ. Вонъ наша генеральша, тоже сестра, въ вагонѣ съ мужемъ живетъ и въ госпиталь въ своемъ собственномъ англійскомъ кабриолетѣ ѣздитъ, въ ушахъ брилліанты, на пальцахъ кольца, на рукахъ браслеты; приѣдетъ въ госпиталь, съ докторами кокетничаетъ, съ сестрами болтаетъ, только мѣшаетъ всѣмъ. Ну, да что говорить, приѣхала, сама увидишь... Кстати, за тобой не ухаживаютъ? Смотри, какая ты у меня красавица. Страшно дѣлается; здѣсь вѣдь на этотъ счетъ просто, нравы Аркадскихъ пастушковъ.

— Какой вздоръ ты говоришь, засмѣядась Татьяна Михайловна. Ну, кому здѣсь ухаживать?!

— А доктора?

— Скажи еще! Нашъ старшій докторъ старикъ, человекъ серьезный; для него что я, что фельдшеръ Никитенко, онъ не всегда насъ и различаетъ, ей Богу. А младшій врачъ—изъ жидковъ, забавный, какъ обезьянка, взять изъ запаса и цѣлые дни по своей женѣ и сынѣ тоскуетъ.

— Ну, это твое счастье; а то въ другихъ госпиталяхъ и лазаретахъ не мало исторій выходитъ; нѣкоторые доктора на «сестеръ», какъ султанъ на своихъ одалисокъ, смотрятъ...

— А ты все такой же, ревнивъ, какъ Отелло, и глупъ, какъ кроликъ.... Не бойся, не бойся, ни въ кого не влюблюсь и въ меня никто не влюбится... Ахъ, Боже мой, спохватилась вдругъ Татьяна Михайловна, болтаемъ всякій вздоръ, а ты навѣрно озябъ съ дороги. Пстой я сейчасъ принесу чаю и рому.

Раньше, чѣмъ Ника успѣлъ ее остановить, Татьяна Михайловна выбѣжала изъ палаты. Оставшись одинъ, Измайскій разсѣяннымъ взглядомъ окинулъ палату. Одинъ изъ больныхъ продолжалъ спать, двое другихъ проснулись и, положивъ голову на ладонь, смотрѣли на него съ выраженіемъ глубоко затаенной грусти. Можетъ быть мысленному взору cadaго изъ нихъ представлялась возможность такой же встрѣчи съ дорогими ихъ сердцу и въ тоже время изъ глубины сознанія поднимался смутный роковой вопросъ: «Суждено ли»? Четвертый, повернувшись на спину, продолжалъ лежать съ пристально устремленнымъ въ потолокъ взглядомъ широко открытыхъ глазъ, точно онъ видѣлъ тамъ что-то такое недоступное для взора другихъ. Было что-то жуткое въ присутствіи этого безмолвнаго свидѣтеля; казалось, душа его уже унеслась въ другой невѣдомый міръ и только изсохшее, потерявшее человѣческій обликъ, тѣло скорбно домучивалось на лазаретной койкѣ.

Быстро промчалась ночь... Оба супруга сидѣли, близко наклонясь другъ къ другу, слегка озаренные свѣтомъ лампы, и шепотомъ вели нескончаемую бесѣду... О чемъ говорили они, едва ли и сами могли потомъ вспомнить. Разговоръ двухъ любящихъ людей, когда каждое слово, звукъ голоса, движеніе губъ пріобрѣтаютъ глубокой смыслъ и огромное значеніе, когда слова, независимо отъ ихъ содержанія, интересны уже тѣмъ, что произносятся любящимъ и любимымъ человѣкомъ... Унылая, угрюмая палата сдѣлалась вдругъ такой милой, уютной; ихъ не тревожилъ ни тяжелый храпъ спящихъ, ни захлебывающееся дыханіе умирающаго. Нѣсколько разъ въ теченіе ночи Татьяна Михайловна машинально вставала и подходила къ старику, давала ему пить, оправляла подушки, одѣяло, и снова садилась подлѣ мужа и снова тихо, тихо журчала

ихъ рѣчь... Въ эти минуты оба были счастливы и въ то же время какъ бы боялись своего счастья. Чей-то таинственный голосъ словно говорилъ имъ, что въ этомъ мѣрѣ скорби и страданій, окружающемъ ихъ, счастье неестественно, преступно, нарушаетъ общую гармонію стона и жалобъ и потому недолговѣчно.

Э. Лютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

